

УДК 340.12

ЗАПАДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ К «ЗДОРОВОМУ ОБЩЕСТВУ». АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ Э. ФРОММА

© 2024 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 20.12.2023 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Э. Фромма на современное западное общество с позиции психоанализа. Раскрываются его концепция социального характера, феномены отчуждения, позитивной и негативной свободы. Особое внимание уделяется теме социальной нормы и социальной патологии современных западных демократий (особенно США). Рассматривается проект Фромма по реформированию политической и экономической систем стран Запада на основе нравственного и психического изменения человека.

Ключевые слова: Э. Фромм, психоанализ, либеральная демократия, свобода, отчуждение, социальная патология, социальная утопия.

Цитирование: Жуков В. Н. Западная демократия: от социальной патологии к «здоровому обществу». Анализ и прогноз Э. Фромма // Государство и право. 2024. № 1. С. 24–37.

DOI: 10.31857/S1026945224010033

WESTERN DEMOCRACY: FROM SOCIAL PATHOLOGY TOWARDS A “HEALTHY SOCIETY”. E. FROMM’S ANALYSIS AND FORECAST

© 2024 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 20.12.2023

Abstract. The article examines E. Fromm's views on modern Western society from the perspective of psychoanalysis. His concept of social character, the phenomena of alienation, positive and negative freedom are revealed. Special attention is paid to the topic of social norms and social pathology of modern Western democracies (especially the USA). The article considers Fromm's project on reforming the political and economic systems of Western countries on the basis of moral and mental change of a person.

Key words: E. Fromm, psychoanalysis, liberal democracy, freedom, alienation, social pathology, social utopia.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). Western democracy: from social pathology towards a "healthy society". E. Fromm's analysis and forecast // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 24–37.

В отличие от З. Фрейда, интересы которого лежали далеко от политики, Э. Фромм посвятил немало книг либеральной демократии стран Запада и принятому там образу жизни (особенно США, куда он эмигрировал после прихода к власти нацистов). Он предпринял попытку дать системный анализ капитализма, используя подходы Маркса и Фрейда. По своим политическим взглядам Э. Фромм — социал-демократ реформистского толка, воспринимающий марксизм в духе Э. Бернштейна и К. Каутского. Он сознательно игнорирует революционное ядро марксизма, идею о диктатуре пролетариата, выдвигая на первый план гуманистический смысл учения раннего Маркса («Экономическо-философские рукописи 1844 года»¹). В отличие от Маркса, его политический идеал не выходит за рамки буржуазной культуры и либеральных ценностей, но дополненных требованиями разработанной им концепции гуманистического психоанализа. Фромм считает учение Маркса и Энгельса незавершенным, поскольку они, как ему представляется, не показали связь между базисом и надстройкой. Соответственно, он ставит перед собой задачу дополнить марксизм в этой его части своими концепциями социального бессознательного и социального характера. Подобно многим социальным мыслителям, Фромм, критикуя либеральную демократию, переходит от ее анализа (в большей или меньшей степени объективного) к созданию очередного социального проекта, отдающего явными чертами утопии. Казалось бы, опора на психоанализ, призванный возвращать человека от иллюзии к реальности, должна была предотвратить опасность ухода в утопию. Однако стремление Фромма стать одним из учителей человечества превратило его из трезвого, здорового исследователя в легкомысленного и поверхностного прожектера. В этом отношении он заметно уступает Фрейду, который до конца своих дней твердо стоял на исходных принципах психоанализа и не впадал в иллюзии относительно возможностей социального реформаторства.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010 (Философские технологии).

Капитализм и его социальный характер. Фромм называет следующие черты капитализма: 1) наличие политически и юридически свободных людей; 2) продажа этими свободными людьми своей рабочей силы; 3) наличие товарного рынка, регулирующего цены и обмен продукта; 4) принцип личной пользы в поведении индивида, признание общественной пользы конкуренции. Но капитализм, рассуждает он, неоднороден и менялся по мере своего развития. На капитализм XVII–XVIII вв. продолжают оказывать большое влияние средневековые обычаи и культура. На этом этапе общество и экономика существуют для человека, а не наоборот; экономический прогресс не считался нравственным, если причинял вред какой-либо социальной группе. Данные подходы диктовались необходимостью сохранять равновесие в обществе, любое его нарушение считалось пагубным.

В XIX в., продолжает Фромм, традиционализм уходит, человек перестает быть центром общества, его место занимают бизнес и производство. Наиболее характерной чертой становится нещадная эксплуатация рабочего, нахождение его на грани голодной смерти считалось нормой. Максимально возможная эксплуатация рабочих в погоне за прибылью становится морально обоснованной. Рынок освобождается от всех ограничений и создает саморегулирующийся механизм распределения совокупного общественного продукта, исключая применение силы. Однако свобода наемного работника заключать или не заключать договоры на использование своего труда иллюзорна, т.к. свобода труда подчинена законам капиталистической экономики. При этом именно рыночный механизм обеспечивает политические и личные права и свободы индивидов².

Согласно Фромму, феодальный порядок, где каждый знал свою социальную нишу и не претендовал на другую, сменяется социальной конкуренцией за место в социальной иерархии, следствием которой стала все нарастающая мобильность социальных отношений, ломающая нормы традиционной морали. Капиталиста интересует не полезность

² См.: Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995. С. 342–344, 346.

его товара, а прибыль. При капитализме распределение доходов характеризуется отсутствием баланса между трудом индивида и его оплатой. Труд за нищенскую зарплату и отсутствие социальных гарантий — это не злой умысел капиталиста, а закон рынка. При капитализме эксплуатация носит безличный, анонимный характер. Существо эксплуатации состоит в том, что капиталист использует других людей с целью извлечения прибыли для себя. В результате эксплуатации человек перестает быть целью самого себя и становится средством обеспечения экономической выгоды. Использование человека человеком выражает систему ценностей капитализма. «Капитал, это омертвленное прошлое, нанимает труд, жизненную силу и энергию настоящего. В капиталистической иерархии ценностей капитал стоит выше, чем труд, накопленные вещи — выше, чем проявления духовной жизни. Труд нанимается капиталом, а не наоборот. Обладатель капитала распоряжается человеком, владеющим “только” собственной жизнью, человеческим опытом, жизненной силой и способностью к творческому труду. “Вещи” выше человека. Противоречие между капиталом и трудом — нечто гораздо большее, чем противоречие между двумя классами, чем их борьба за большую долю в общественном продукте. Это конфликт двух ценностных принципов: между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью — с другой»³.

Капитализм XIX в., утверждает Фромм, — это частный капитализм, где помимо духа соперничества буржуа наслаждался своей собственностью. Накопление и обладание стало манией низших слоев среднего класса (особенно в Европе). В современную эпоху эта черта сохраняется у наименее развитых социальных групп. Фрейд назвал это анальным характером. В XVII–XVIII вв. накопительство соответствовало потребности экономического прогресса, в XIX в. оно стало анахронизмом.

С темой эксплуатации, по Фромму, тесно связана проблема власти авторитета в XIX в. Любая социальная система, выстроенная иерархически, опирается на чувство авторитета, что делает проблему власти авторитета ключевой. Авторитет предполагает отношения, где есть высшие и низшие. Но эти отношения могут строиться на рациональной или иррациональной основе. Соответственно, авторитет может быть рациональным или иррациональным. Рациональный авторитет исходит из единства интересов властвующего и подвластного (например, учителя и ученика), иррациональный авторитет, напротив, предполагает конфликт интересов (рабовладелец и раб). Отношения рационального авторитета со временем

заканчиваются, иррациональный авторитет, поскольку он является основой эксплуатации, с течением времени усиливается. Психология этих видов авторитета также различна. В отношениях, складывающихся на основе рационального авторитета, преобладают мотивы любви, восхищения или благодарности. Иррациональный авторитет рождает возмущение и враждебность по отношению к эксплуататору. Чувство обреченности включает у эксплуатируемого механизм вытеснения: болезненное и опасное чувство ненависти к эксплуататору переводится в подсознание, в сознании же возникает восхищение к нему. Благодаря вытеснению эксплуатируемый глушит в себе чувство унижения, в этом случае эксплуататор наделяется превосходными качествами, а такому господину не стыдно и подчиняться. Социальный характер XIX в. сочетал в себе иррациональный авторитет (эксплуатация человека человеком) с рациональным (возможность собственного выбора)⁴.

В XX в., продолжает Фромм свой сравнительный анализ, на Западе, и особенно в США, политическое, экономическое и человеческое положение рабочего класса коренным образом меняется в лучшую сторону. Рабочий получает все большую долю национального богатства, благодаря профсоюзам он стал партнером администрации. Капитализму XX в. нужны люди, легко взаимодействующие в больших группах, стремящиеся к неограниченному потреблению, со стандартизированными вкусами, легко поддающиеся влиянию и с прогнозируемым поведением. Эти люди хотя и чувствуют себя свободными, но готовы к подчинению. Если исходить из критериев XIX в., в XX столетии в странах Запада созданы все условия для построения здорового общества. Однако мир середины XX в. более нездоров психически, чем в XIX в.: ушла опасность стать рабами, но люди могут превратиться в роботов. Вместо власти авторитета людьми руководит страх анонимной власти, стремление к конформизму. Человек утратил индивидуальность, собственные убеждения и самостоятельность. Диагноз патологии XX в. не может соответствовать показателям XIX в.⁵

«Итак, подводя итог, мы можем сказать, что социальному характеру в XIX в. были в значительной мере присущи соперничество, накопительство, эксплуататорство, авторитаризм, агрессивность и индивидуализм. Предваряя наше дальнейшее обсуждение, мы уже сейчас можем подчеркнуть колоссальное различие между капитализмом XIX и XX вв. Мы видим, что место эксплуататорской и накопительской ориентаций теперь занимает

³ Фромм Э. Указ. соч. С. 352.

⁴ См.: там же. С. 352–355.

⁵ См.: там же. С. 357, 358, 364.

воспринимающая (рецептивная) и рыночная ориентации. Вместо соперничества мы находим усиливающуюся тенденцию к совместной работе; вместо стремления к непрерывному росту прибыли — желание иметь постоянный и надежный доход; вместо эксплуатации — тенденцию поделить богатством с другими и манипулировать ими и самим собой; вместо рациональной или иррациональной, но явной власти мы обнаруживаем власть анонимную — власть общественного мнения и рынка, вместо собственной совести — потребность приспосабливаться и получать одобрение со стороны; вместо чувства собственного достоинства и чувства хозяина — постоянно усиливающееся, хотя большей частью неосознаваемое, чувство бессилия»⁶.

Стремление к безжалостной эксплуатации и накопительству, делает вывод Фромм, стало причиной страданий и неуважения к достоинству личности, что проявилось в отношении народов Африки, Азии и пролетариата собственных стран.

Отчуждение как универсальная категория буржуазной культуры. Согласно Фромму, главная черта современного социального характера стран Запада — отчуждение. В своих рассуждениях о феномене отчуждения он идет от Гегеля, и главным образом от Маркса, но его трактовку отчуждения он считает узкой и требующей корректировки. По Марксу, самый отчужденный класс — пролетариат; на самом деле, утверждает Фромм, отчуждение носит всеобщий характер, все общество и все человечество пронизано процессом отчуждения. Индустриальная культура, превратив человека в придаток машины, породила в нем патологию неограниченного потребления и сделала объектом политического манипулирования⁷.

Под отчуждением Фромм понимает такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он не чувствует себя центром своего внутреннего мира, источником своих собственных действий, а напротив, находится в их власти⁸. «Человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, но лишенной индивидуальных качеств “вещью”, зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную ситуацию»⁹.

Хотя слово «отчуждение», рассуждает Фромм, стали употреблять относительно недавно, уже в Ветхом Завете есть его аналог — идолопоклонство. Основное различие между моно- и политеизмом

заключается не в количестве богов, а в факте самоотчуждения: человек создает идола, а затем поклоняется ему. Человек наполняет идола своими жизненными силами, но воспринимает его как нечто отдельное от него и возвышающееся над ним. В монотеизме человек воспринимается как образ и подобие Божие, т.е. как нечто целое, безграничное, самостоятельно существующее. Со временем монотеистические религии выродились в идолопоклонство. В христианстве этому способствовал протестантизм, который привил человеку чувство своей опустошенности и убогости перед Богом. Смирненное поклонение в христианстве есть акт отчуждения и идолопоклонства. Механизм религиозного отчуждения распространяется на обычные человеческие отношения: индивид переносит свою сущность на других лиц, тем самым растворяясь в них. Особенно это раболепство проявляется в отношении либо лиц, обладающих властью, либо организованных объединений (классов, партии, государства, нации). Поклоняясь политическим идолам, человек переносит на них свои силы и с помощью покорности надеется обрести частицу своих же сил. Идолами могут стать власть или деньги, к которым стремится человек. В психическом смысле отчужденный человек — всегда невротик, расщепленная личность, душевнобольной — абсолютно отчужденный, полностью утративший чувство самости¹⁰.

Капиталистическое хозяйство, по Фромму, существует по законам, которые люди не способны контролировать. Отчуждение проявляется в том, что в этих законах воплощены действия людей, а сами они находятся во власти законов. Политика и экономика стран капитала вышли из-под контроля человека, они стали неуправляемы. Связи между индивидами утратили человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек воспринимается как средство. В условиях рынка господствует закон, обезличивающий человека, отношения продавца и покупателя, конкурентов, нанимателя и наемного работника пронизаны человеческим безразличием. Потребитель для капиталиста — не конкретная личность, а объект манипуляций. Отношения между людьми приобрели характер отчуждения, они стали напоминать отношения между вещами. В итоге сам человек отчуждается от самого себя и воспринимает себя как товар, который надо выгодно продать. «Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительной стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, “чувство собственного достоинства”

⁶ Фромм Э. Указ. соч. С. 355, 356.

⁷ См.: Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 402.

⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 372, 373.

⁹ Там же. С. 376.

¹⁰ См.: там же. С. 373—375.

превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие. У него нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя “кем-то”; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто. Эта зависимость самоуважения от успеха предлагаемой “личности” объясняет, почему для современного человека популярность стала настолько важной. От нее зависит не только успех в практических делах, но и способность человека сохранить самоуважение; без нее человек скатывается в пропасть неполноценности»¹¹.

Отчужденный человек, рассуждает Фромм, не может быть здоровым, поскольку он ощущает себя вещью и лишен чувства самости. Отсутствие самости рождает глубокую обеспокоенность, которая компенсируется конформизмом, чувством сопричастности к обществу (в данном случае Фромм называет его стадом). Страх быть отторгнутым от общества усиливает беспокойство, делая его экзистенциальным, а отчуждение становится тотальным. Результатом отчуждения является также чувство вины, имеющее два главных источника. Один — отличие от остальных, непохожесть, грозящая отлучением от среды. Второй — совесть индивида: он чувствует себя виноватым за отказ от собственной самости, от стремления реализовать себя и стать счастливым. «Отчужденный человек чувствует себя виноватым одновременно за то, что остается, и за то, что не остается самим собой; за то, что он — осознающее, чувствующее существо, и за то, что он — автомат; за то, что он — личность, и за то, что он — вещь»¹².

Один из важнейших пороков буржуазной культуры, полагает Фромм, — стандартизация сознания и поведения. Стандартизация, навязываемая системой воспитания и образования, губит оригинальное самостоятельное мышление. Так, вместо развития самостоятельности мышления в головы учащихся вдалбливается как можно больше фактов, не связанных между собой. Другой способ подавления самостоятельного мышления — навязывание тезиса об относительности всякой истины. Этот релятивизм ведет к утрате стимула к поиску истины. А поскольку потребность в истине относится к числу фундаментальных, тормозится общее развитие личности. Ослабление стремления к истине ведет к созданию иллюзий, мешающих людям познавать себя и становиться свободными¹³.

Желания и потребности современного человека, продолжает Фромм, формируются средой,

а потому подлинно экзистенциальные его потребности остаются ему неизвестными и непонятными. Люди принимают стандартные цели за свои собственные. За бурной якобы самостоятельной деятельностью для достижения цели, как правило, стоит социальная среда, вырабатывающая и навязывающая индивиду стандартные мотивы поведения. Здесь индивид не живет, а играет какую-то пьесу, далекую от его подлинных потребностей. Современный человек превратился в робота, пребывающего в иллюзии, будто он — живая личность. Он живет в мире, с которым потерял все подлинные связи, а сам стал деталью гигантской машины, созданной собственными руками. Современный человек утратил ощущение собственной сущности. Он стал тем, кем хочет видеть его среда. «Приспосабливаясь к ожиданиям окружающих, стараясь не отличаться от них, человек может приглушить свои сомнения по поводу собственной сущности и приобрести какую-то уверенность. Однако цена за это высока: отказ от своей спонтанности, индивидуальности и свободы. Психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв; он движется, как живой, но тем временем жизнь его, словно песок, уходит сквозь пальцы. Современный человек изображает удовлетворение и оптимизм, но в глубине души он несчастен, почти на грани отчаяния. Он судорожно цепляется за все индивидуальное, он хочет быть “не таким, как все”, ведь нет лучшей рекомендации для чего бы то ни было, чем слова “это что-то особенное”... Современный человек изголодался по жизни, но поскольку он робот, жизнь не может означать для него спонтанную деятельность, поэтому он довольствуется любыми суррогатами возбуждения: пьянством, спортом или переживанием чужих и вымышленных страстей на экране»¹⁴.

Всеобщей стандартизации способствует восприятие мира в качестве количественных показателей и абстракций, т.к. современный капитализм имеет дело с огромным количеством наемных работников и потребителей. Если средневековый ремесленник знал и своих подмастерьев, и конкретных потребителей, для которых он создавал свою продукцию, то для современного капиталиста, стоящего во главе огромного производства, и его наемные работники, и потребители обезличены, выступают в роли абстрактных единиц. Такое абстрактное восприятие мира и людей становится нормой. За цифрами и абстракциями пропадает живая человеческая личность, что наглядно видно в средствах вооружения современной войны. Современная военная доктрина, центром которой выступает концепция применения ядерного оружия, руководствуется не этикой, а статистикой:

¹¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 107, 108.

¹² Фромм Э. Здоровое общество. С. 441.

¹³ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 206–208.

¹⁴ Там же. С. 212, 213.

люди — это не живые существа, обладающие высшей ценностью, а статистические единицы, не вызывающие никаких эмоций. Так, военный, нажимая ядерную кнопку, может не испытывать никаких эмоций, поскольку имеет дело не с людьми, а с технологическим процессом, оперирующим статистикой. Военный в этом своем действии максимально отчужден от последствий ядерного взрыва и не чувствует никакой ответственности. Средства массовой информации разрушают целостность восприятия мира, когда в один ряд ставятся сообщения о войнах, катастрофах, гибели людей и реклама товаров и услуг¹⁵.

У современного человека, утверждает Фромм, развился рассудок (способность оперировать понятиями с намерением достичь практической цели) и деградировал разум (способность и стремление познать существо вещей). Отчужденная личность, развивая свою мысль, страдает недостатком чувства реальности. Реализм современного человека напоминает параноидный бред. Например, чувство реализма отказывает политику, готовому использовать ядерное оружие. Современный индивид демонстрирует отсутствие реализма в отношении базовых проблем человеческого бытия: смысла жизни и смерти, счастья и страдания¹⁶. Так, чувство трагедии, затрагивающей корни личности, становится запретной эмоцией. Осознание смерти и трагической стороны жизни — одно из основных свойств человека. В примитивных культурах, где степень индивидуализации невысока, смерть еще не воспринимается как нечто радикально противостоящее жизни. «Греки обращали все свое внимание на жизнь, а смерть представляли себе лишь как продолжение этой жизни, хотя и унылое. Египтяне возлагали надежды на нетленность, нерушимость человеческого тела, по крайней мере нетленность тела того человека, власть которого была нерушимой при жизни. Евреи принимали факт смерти реалистично и были способны примириться с мыслью о прекращении индивидуальной жизни, утешая себя ожиданием того царства счастья и справедливости, к которому должно в конце концов прийти человечество. Христианство сделало смерть нереальной и пыталось утешить несчастного индивида обещанием жизни после смерти. Наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с нею и одну из фундаментальных сторон жизни. Вместо того чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, — индивид вынужден подавлять

это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стерилизации. Этот страх является одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью и объясняет — беру на себя смелость это утверждать — невероятные суммы, которые платят наши люди за свои похороны»¹⁷.

В капиталистическом обществе, констатирует Фромм, от человека отчуждено все — производство, собственность, труд, потребление, власть. Владелец крупного бизнеса чувствует себя отчужденным в отношении своей собственности, которая предстает в виде банковского чека на определенную сумму денег. Труд имеет большую ценность для человека, поскольку превращает животное в социальное существо. «В процессе труда, т.е. в процессе формирования и изменения внешней природы, человек формирует и изменяет самого себя». Чем больше совершенствуется труд человека, тем совершеннее становится он сам. Вместе с тем для протестанта труд стал обязанностью и мучением вместо того, чтобы приносить радость творчества. Труд стал системой «мирского аскетизма» (М. Вебер). Труд разделился на обязанность у средних классов и принудительный труд у не имевших собственности. Для человека протестантской культуры труд стал способом подавить свои страхи, сомнения, ощущение изолированности и одиночества, а также стремлением оказаться в числе избранных Богом. В XX в. труд перестал быть религиозным и моральным делом, он стал способом избавиться от невыносимой скуки. Труд воспринимается не как наполненная смыслом человеческая деятельность, а в качестве средства для зарабатывания денег. Отчужденный характер труда привел к двум последствиям: 1) к формированию идеала полнейшей лени; 2) к затаенной, часто бессознательной враждебности к труду и всему с ним связанному¹⁸.

Процесс потребления, рассуждает Фромм, отличается той же отчужденностью, что и процесс производства. Деньги, являясь универсальной мерой труда и потребления, превращают природные силы человека в абстрактные представления и тем самым искажают потребности человека. Индивиду, находящемуся под властью денег, может казаться, что он способен купить ум, храбрость, образование, любовь и т.п. (здесь Фромм воспроизводит Маркса). На самом деле деньги, по Фромму, только создают иллюзию приобретения вещей и свойств, образуя разорванность между индивидом и миром. Отчуждение пронизывает использование вещи:

¹⁵ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 364, 365, 372; *Его же*. Бегство от свободы. С. 209, 210.

¹⁶ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 413, 414.

¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 205.

¹⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 379, 420–423.

она приобретает не с целью использования, а чтобы иметь ее в своей собственности и повысить свой социальный статус. Акт потребления перестает быть значимым творческим человеческим переживанием¹⁹. «У нас потребление представляет собой главным образом удовлетворение искусственно подогреваемой игры воображения, фантастическое представление, отчужденное от нашей конкретной подлинной сущности»²⁰. Следствием такого потребления становится отсутствие удовлетворения, поскольку удовлетворяется не конкретная живая личность, а ее болезненные фантазии. Неудержимая страсть к потреблению утратила всякую связь с истинными потребностями человека. Потребление превратилось в самоцель, индивид стал заложником своих потребностей. Если в XIX в. человек, купив вещь, долго ее хранил, берег и неохотно с ней расставался, когда она приходила в негодность, в XX в. накопительская ориентация сменяется воспринимающей, т.е. стремлением приобретать что-то новое²¹.

Согласно Фромму, в середине XX столетия авторитет исходит не от кого-либо или чего-либо, а является анонимным, невидимым, отчужденным. В XIX в. борьба против иррационального авторитета рождала в человеке чувство самости, собственной значимости, формировала его «Я». Безличный, анонимный авторитет рождает не борьбу, а конформизм. Конформизм диктует не борьбу, а стремление приспособиться к обстоятельствам. «Никто не властен надо мной, кроме стада, частью которого я являюсь и которому я тем не менее подчинен»²². Человек «стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспосабливается к анонимной власти и усваивает такое “я”, которое не составляет его сущности. И чем больше он это делает, тем беспомощнее себя чувствует, тем больше ему приходится приспосабливаться. Вопреки видимости оптимизма и инициативы современный человек подавлен глубоким чувством бессилия, поэтому он пассивно, как парализованный, встречает надвигающиеся катастрофы»²³.

Фромм признает, что капиталистический способ производства благоприятствует политической свободе, плановая экономика становится опорой диктатуры. Вместе с тем в условиях либеральной

демократии, утверждает он, всеобщее избирательное право превращается в фетиш, т.к. у избирателей нет ни воли, ни убеждений, они — объекты политической манипуляции. Власть принадлежит бюрократии, для которой управляемые люди — безличные статистические единицы. Именно либеральная демократия проложила путь нацизму, фашизму и сталинизму — этому высшему проявлению политического отчуждения, где изолированный индивид нашел новое убежище и безопасность. Человека вынудили почувствовать себя бессильным и незначительным, чтобы он связал свою защищенность и благоденствие с поклонением политическим вождям. Человек бежал от свободы к идолопоклонству²⁴.

Между современным сверхорганизованным обществом и личностью, заключает Фромм, существует непрекращающийся антагонизм: общество стремится обезличить человека, который, в свою очередь, хочет отстоять свою индивидуальность. Общество боится личности, но его страх так же велик, как его власть над ней. Если общество создает и эксплуатирует пропаганду, то личность жаждет истины. Если общество заинтересовано в политическом патриотизме, возводящем в ранг высших ценностей нацию и государство, то человек хочет гуманистического патриотизма, где высшей ценностью являются личность и требование ее всестороннего развития. За интересами общества стоит эгоизм нации, за личностью — общечеловеческие ценности²⁵.

Негативная и позитивная свобода. Стремление к свободе, утверждает Фромм, — не метафизическая сила, оно является неизбежным результатом процессов индивидуализации и развития культуры. Экономическая система капитализма пронизана индивидуализмом. Капитализм, согласно Фромму, внес огромный вклад в дело освобождения личности. Для современного человека, полагает он, свобода предстает в двух аспектах: с одной стороны, она дает ему новое чувство независимости, с другой — заставляет ощутить одиночество, изоляцию, сомнения и тревогу, вынуждает его к новому подчинению и к лихорадочной, иррациональной деятельности. Принцип частной инициативы способствовал процессу индивидуализации, но этот же принцип способствовал уничтожению связей между людьми. Сначала протестантизм сформировал индивидуалистическое отношение к Богу, затем дело довершила частная инициатива капиталистического хозяйства²⁶.

Вместе с самоутверждением индивида, рассуждает Фромм, капитализм нес с собой самоотрицание

¹⁹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 379–381.

²⁰ Там же. С. 382.

²¹ См.: там же. С. 382–384.

²² Там же. С. 399.

²³ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 212.

²⁴ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 377, 386, 426, 466.

²⁵ См.: там же. С. 460, 461.

²⁶ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 94, 97, 98.

и аскетизм. Если в средневековье капитал был службой человека, при капитализме он стал его хозяином. В условиях средневековья экономическая деятельность была лишь средством достижения цели — спасения души человека. При капитализме экономическая деятельность направлена на получение прибыли ради прибыли. Капитализм сделал самоцелью экономическую деятельность, успех и материальную выгоду. Человек стал работать не для собственного счастья, а превратился в деталь гигантской экономической машины, стал служить целям, внешним по отношению к себе, что усилило в нем чувство собственной ничтожности. Наемный работник, пролетарий испытывал на себе тот же механизм отчуждения: господство надличностных целей, зависимость от законов рынка, подчиненность духу протестантского аскетизма²⁷.

Вместе с тем, продолжает Фромм, есть внешнее противоречие между духом аскетизма и господством эгоизма, стремлением к собственной выгоде. Но это противоречие существует лишь на поверхности. Эгоизм — это не любовь к себе, а вид жадности, ненасытность, исключающая достижение удовлетворения. Алчность — это бездонный, истощающий человека колодец, который никогда невозможно заполнить. Эгоист никогда не бывает удовлетворен, «он всегда беспокоен, его постоянно гонит страх где-то чего-то недобрать, что-то упустить, чего-то лишиться; он преисполнен жгучей зависти к каждому, кому досталось больше»²⁸. В глубине души эгоист себя ненавидит. Эгоизм коренится в недостатке любви к себе. Кто себя не любит, находится в постоянной тревоге за себя. В конечном счете эгоист живет не своими интересами, а надличностными, заданными системой капиталистического хозяйства. Интерес эгоиста — это интерес не его собственного «Я», а социального «Я», сформированного средой. Эгоист служит не себе, а своей социальной роли, своей маске, довлеющей над ним. «Современный эгоизм — это жадность, происходящая из фрустрации подлинной личности и направленная на утверждение личности социальной»²⁹. Таким образом, аскетизм и эгоизм — это психические состояния одного порядка, демонстрирующие отказ от себя и служение в первом случае Богу, во втором — капиталистическому хозяйству.

Двойственность свободы, по Фромму, рождает позитивную и негативную свободу. Позитивная свобода, рассуждает он, была доминирующей в эпоху буржуазных революций, когда «средний класс» одерживал свои экономические и политические победы над представителями старого порядка.

В этой борьбе буржуазия опиралась на протестантизм, а ее противники — на католичество. Во второй половине XIX — начале XX в. позитивная свобода достигает своего апогея: и буржуазия, и пролетариат боролись за собственные цели и в то же время за общие цели человечества. С наступлением монополистического капитализма начинает доминировать негативная свобода (свобода от всех традиционных связей), формирующая чувство бессилия и одиночества: средние и мелкие предприниматели, служащие и инженерно-технические работники, рабочие чувствуют угрозу и неуверенность от крупного капитала³⁰.

Негативная свобода, убежден Фромм, должна смениться позитивной, отличительная черта которой — спонтанная активность личности, ее творческая деятельность с целью реализации себя как целостного существа. Позитивная свобода означает также, что человек является центром и целью своей жизни, что его высшая цель — реализация собственной личности. Свобода есть неподвластность никакой высшей силе. Спонтанность позволяет человеку, оставаясь самим собой, жить и развиваться не изолированно, а в гармоничном соединении с миром, другими людьми и природой. В результате исчезают сомнения относительно смысла жизни. Человек, осознающий себя как активную творческую личность, понимает, что у жизни есть лишь один смысл — сама жизнь³¹.

Главные составляющие спонтанности, по Фромму, — любовь и труд. Имеется в виду любовь, не растворяющая свое «Я» в другом человеке, а добровольный союз с ним на основе сохранения собственной личности. Под трудом понимается не вынужденная деятельность с целью избавиться от одиночества или господства над природой, а творчество, соединяющее человека с природой в акте творения. Спонтанность должна присутствовать во всех действиях, включая сферу политики. Спонтанность предполагает, что деятельность ценна сама по себе, а не ее результат. В условиях капитализма центр тяжести смещается с удовлетворения творческой деятельностью на стоимость готовой продукции. Человек теряет единственное удовлетворение, при котором мог бы испытать настоящее счастье, — наслаждение процессом творчества. Он гоняется за призраком, за иллюзорным счастьем под названием «успех»³².

Спонтанность, утверждает Фромм, делает человека сильнее, ибо личность сильна постольку, поскольку она деятельна. Обладание какими-либо объектами (материальные ценности, способности и т.д.) силы не дает, т.к. их использование не делает

²⁷ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 99, 101.

²⁸ Там же. С. 104.

²⁹ Там же. С. 105.

³⁰ См.: там же. С. 109–111.

³¹ См.: там же. С. 214, 215, 218–220, 222, 223.

³² Там же. С. 217, 218.

их частью человеческой личности. «Наше — только то, с чем мы подлинно связаны своей творческой деятельностью, будь то другой человек или неодушевленный объект. Только качества, которые вытекают из нашей спонтанной активности, придают личности силу и тем самым формируют основу ее полноценности. Неспособность действовать спонтанно, выражать свои подлинные мысли и чувства и вытекающая из этого необходимость выступать перед другими и перед самим собой в какой-то роли — под маской псевдоличности — вот в чем источник чувства слабости и неполноценности. Создаем мы это или нет, но мы ничего так не стыдимся, как отказа от себя, а наивысшую гордость, наивысшее счастье испытываем тогда, когда думаем, говорим и чувствуем подлинно самостоятельно»³³.

Позитивная свобода, по Фромму, подразумевает признание уникальности личности. Люди рождаются равными, но разными. Уважение к уникальности есть ценнейшее достижение человеческой культуры. Уникальность не противоречит принципу равенства. Люди равны в том, что обладают основными человеческими качествами, разделяют общую трагическую судьбу, имеют неотъемлемое право на счастье и свободу, а их отношения определяются не господством и подчинением, а солидарностью. Равенство не предполагает одинаковости³⁴.

Спонтанность свободы, полагает Фромм, не предполагает анархии. Если под анархией понимать результат безудержного эгоизма и стремление к разрушительности, то анархия может быть следствием только негативной свободы. Позитивная свобода, напротив, устраняет причины социальных конфликтов. Представлять опасность будут лишь ненормальные, больные индивиды. Подобная свобода еще не достигалась никогда, но всегда была идеалом, к которому стремилось человечество. Но, вообще говоря, индивид, ориентированный на позитивную свободу, не вступает в конфликт с рационально организованной властью, т.к. последняя нацелена на реализацию человеческой личности³⁵.

Будущее демократии, делает вывод Фромм, зависит от реализации принципа индивидуализма, который был целью всей истории Европы. Культурный и политический кризис современного Запада объясняется не избытком индивидуализма, а его вырождением. Индивидуализм следует наполнить идеей позитивной свободы, что только и может обеспечить реализацию всего потенциала демократии. В подлинной демократии целью

становится развитие и счастье индивида, он перестает быть объектом манипулирования со стороны власти, отчуждение исчезает, и индивид перестает чувствовать свою разорванность с миром и людьми. Капитализм (материальное изобилие) и либеральная демократия создали предпосылки для развития подлинного индивидуализма³⁶.

Понятие психической нормы и психическое здоровье общества. Тема нормы в сознании и поведении индивида и социальных групп — одна из центральных в психологии и психиатрии. Определение нормы предполагает более или менее четкое представление об аномалии, о психическом здоровье и психической патологии. Формализация психической нормы, придание ей официального статуса — всегда дело ответственное, т.к. за этим следуют разработка и установление мер воздействия (в т.ч. санкций) к тем, кто демонстрирует патологию. Меры воздействия включают в себя в т.ч. принудительное психиатрическое лечение. В то же время очевидно, что норма есть явление культуры, т.е. нечто принципиально условное, относительное, исторически изменчивое. В контексте психологии и психиатрии норма — это нечто связанное с физиологией и культурными ценностями. Иными словами, норма есть следствие взаимодействия природы и культуры: чем ближе норма к биологии и физиологии (природе), тем более фундаментальное значение она имеет, чем ближе она к культуре, тем более относительной она является. Абсолютизация норм культуры опасна, например, тем, что это может вести к тотальному насилию как всеобщему средству организации общественной жизни. Если общество не готово жить по предложенным властью нормам, а власть их насаждает, это может закончиться насилием и большой кровью.

Фромм относится к числу тех авторов, для которых норма детерминирована прежде всего социальными, а не природными факторами. Именно эта установка способствовала перерастанию его в целом научного социального анализа в утопию. В этом отношении Фромм оказывается дальше от естествознания, чем Фрейд, в чем он сам признается. Как полагает Фромм, Фрейд, опиравшийся на материализм XIX в., считал причиной всех психических явлений физиологические (соматические) процессы, а конкретно — либидо: его нереализованность ведет к неврозам. Для самого Фромма причина невроза — неудовлетворенность собственно человеческих потребностей, которые коренятся в условиях человеческого существования. Здесь главной философской посылкой выступает деятельность человека по его взаимодействию с людьми и природой. Вместе с тем Фромм принимает за основу идею Фрейда о связи сексуального

³³ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 218.

³⁴ См.: там же. С. 219, 220.

³⁵ См.: там же. С. 223, 224.

³⁶ См.: там же. С. 225–227.

развития личности с этапами ее социализации, проецируя данную концепцию на человеческую историю. Фрейд, рассуждает Фромм, определяет психическое заболевание как фиксацию индивида на ранней, уже прошедшей стадии своего развития. Данный подход, делает он вывод, приложим и к истории человечества. Человек, находящийся в условиях примитивной культуры и адекватно ей себя ведущий, не может считаться психически больным. Находясь же на более поздних стадиях развития культуры, но ведя себя по стандартам ранних культур, индивид демонстрирует признаки психического заболевания. Так, если он в условиях современной культуры не может быть действительно свободным (например, ощущает себя связанным с государством или расой), он страдает психической патологией³⁷.

Исходная позиция Фромма такова: здоровым считается общество, соответствующее объективным потребностям человека. Речь идет о потребностях, которые действительно необходимы человеку, а не о тех, которые человек воспринимает как желанные. Отсюда первая задача — установление природы человека и его потребностей. Существует два вида потребностей: физиологические (жажда, голод, половое влечение) и собственно человеческие (стремление к власти, разрушению или созиданию, тщеславие, поиски истины, жажда любви и братства). Психическое здоровье зависит от удовлетворения именно человеческих потребностей, вытекающих из особенностей положения человека в мире. Если удовлетворение физиологических потребностей не вызывает больших трудностей (при наличии материальной основы), то удовлетворение собственно человеческих потребностей зависит от способа организации общества. Невозможность удовлетворить физиологические потребности влечет за собой смерть, неудовлетворенность собственно человеческих потребностей грозит утратой душевного здоровья. Нереализованность хотя бы одной человеческой потребности может повлечь невроз³⁸.

Фромм различает понятия здорового человека и здорового общества, утверждая, что первое зависит от второго: появление здорового общества создает условия для возникновения здорового человека. Данную установку Фромм воспринимает от Маркса, а тот, в свою очередь, — от просветителей XVII–XVIII вв. Очевидно, что стандарт здорового человека создается и тем и другим чисто умозрительно, а затем прилагается в качестве критерия к капитализму и социализму. Капитализм, утверждает Фромм, — в психическом отношении

больное общество. Главная его черта — тотальное отчуждение, делающее человека невротиком. Современная психиатрия вывела стандарт «нормального» человека, который никогда не бывает слишком грустен, слишком сердит или слишком взволнован. Черты характера, выходящие за данный стандарт, называют «инфантильными» или «невротическими». В современном капиталистическом обществе эмоции подавлены, что сдерживает творческое мышление. Подавление эмоций считается нормой, эмоциональность стала синонимом неуравновешенности, душевного нездоровья. Приняв этот стандарт, человек чрезвычайно ослабил себя: его мышление стало убогим и плоским³⁹. «Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства “Я”, сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом»⁴⁰. Современная социальная психология в США, как правило, считает «американский образ жизни» соответствующим «глубочайшим потребностям человеческой природы», т.е. фактически занимается апологетикой существующего социального строя вместо того, чтобы быть объективной и критической⁴¹.

У человека, развивает свою мысль Фромм, есть два способа соотнесения себя с миром. Первый способ основан на использовании здравого смысла и чувственного познания с тем, чтобы использовать мир в своих целях. Другая способность человека — видеть мир субъективно, изнутри (например, в виде снов). Человек, воспринимающий мир только вторым способом, страдает шизофренией, только первым — демонстрирует отчуждение. Шизофрения и отчуждение дополняют друг друга. В обеих формах заболевания не хватает одного из способов общения с миром. Только при гармоничном сочетании обоих способов можно говорить о психическом здоровье, о самодостаточной продуктивной личности⁴².

Фромм утверждает, что понятие психического здоровья вытекает из самих условий человеческого существования и едино для всех времен и культур. «Психическое здоровье характеризуется способностью к любви и созиданию, освобождением от кровосмесительной привязанности к роду и земле, чувством тождественности, основанным на переживании своего “Я” в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, осознанием реальности вне нас и в нас самих, т.е. развитием

³⁷ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 330–332.

³⁸ См.: там же. С. 290, 328, 329.

³⁹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. С. 204, 206.

⁴⁰ Фромм Э. Здоровое общество. С. 333.

⁴¹ См.: там же.

⁴² См.: там же. С. 442.

объективности и разума»⁴³. «Душевно здоровая личность — это личность продуктивная и неотчужденная; личность, относящаяся к миру с любовью и использующая свой разум для объективного постижения реальности; это личность, переживающая себя как уникальное индивидуальное существо и в то же время чувствующая общность со своими собратьями; личность, не подвластная иррациональному авторитету и охотно признающая рациональный авторитет разума и совести; это личность, находящаяся в процессе непрерывного рождения в течение всей своей жизни и считающая дар жизни своим самым ценным достоянием»⁴⁴. Такое представление о психическом здоровье, полагает он, соответствует заповедям великих духовных учителей человечества (Эхнатон, Моисей, Конфуций, Лао-цзы, Будда, Исайя, Сократ, Иисус). Душевно здоровое означает также: «Быть способным любить жизнь и вместе с тем без ужаса принимать смерть; переносить неопределенность в важнейших вопросах, которые ставит перед человеком жизнь, и вместе с тем быть уверенным в своих мыслях и чувствах, насколько они действительно собственные. Уметь оставаться наедине с собой и в то же время быть единым целым с любимым человеком, с каждым собратом на этой земле, со всем живым; следовать голосу своей совести, зовущему нас к самим себе, но не потворствовать себе в самобичевании, если голос совести не настолько громок, чтобы его услышали и последовали за ним. Душевно здоровый человек — это тот, кто живет по любви, разуму и вере, кто уважает жизнь — как собственную, так и своего ближнего»⁴⁵.

Душевному здоровью личности соответствует психически здоровое общество, которое Фромм определяет так: это «прежде всего, общество, в котором ни один человек не является средством для достижения целей другого человека, а всегда и исключительно является целью сам по себе; общество, где никто не используется и не использует себя в целях, не способствующих раскрытию человеческих возможностей; где человек есть центр и где его экономическая и политическая деятельность подчинена цели его собственного развития. Здоровое общество — это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Это общество, где действовать по совести считается основным и необходимым качеством и где оппортунизм и беспринципность считаются качествами асоциальными; где индивид занимается общественными

проблемами так, что они становятся его личным делом; где его отношение к ближнему не отделено от всей его системы отношений к частной жизни. Более того, здоровое общество — это такое общество, которое позволяет человеку оперировать обозримыми и поддающимися управлению величинами, быть активным и ответственным участником жизни общества, а также хозяином своей жизни. Это такое общество, которое благоприятствует человеческой солидарности и не только позволяет своим членам с любовью относиться друг к другу, но содействует такому отношению; здоровое общество способствует производительной деятельности каждого в его работе, стимулирует развитие разума и позволяет человеку выразить свои внутренние потребности в коллективном творчестве и обрядовых действиях»⁴⁶.

Проект нового общества. Как было отмечено ранее, Фромм в своих политических воззрениях является типичным апологетом «демократического социализма» — теории, разработанной социал-демократами после Второй мировой войны с целью противопоставить ее странам «реального социализма» во главе с СССР. Для них социализм советского образца — это тоталитаризм, не имеющий ничего общего с идеями классиков социалистической мысли. Фромм утверждает, что социализм и марксизм нельзя отождествлять с национал-социализмом и сталинизмом. Социализм есть одно из наиболее значительных идеалистических и этических движений нашего времени. Сталинский социализм близко стоит к ранней эксплуататорской форме западного капитализма. Главные движущие силы сталинского социализма — стремление развивать промышленность, пренебрежение человеком и жажда личной власти. Для Маркса, продолжает Фромм, как и для других социалистов, основное значение имеет человек. Мировая история есть сотворение человека и его отчуждение от самого себя. Соответственно, цель истории — создание общества, где человек становится целью самого себя. На место отчуждения приходит свобода, под которой понимается не только свобода от политического подавления, но и свобода от власти над человеком вещей и обстоятельств. Цель развития людей — достижение новой гармонии между человеком и человеком и между человеком и природой. Социализм (коммунизм) — это общество, где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех⁴⁷.

Вместе с тем Маркс и Энгельс, по Фромму, ошибочно придавали большое значение изменению политических форм и роли государства при переходе к социализму. Они находились под влиянием опыта

⁴³ Фромм Э. Здоровое общество. С. 330.

⁴⁴ Там же. С. 495.

⁴⁵ Там же. С. 439, 440.

⁴⁶ Там же. С. 496.

⁴⁷ См.: там же. С. 472–474, 476.

буржуазных революций. Маркс воспринимает идею политической революции от буржуазии, в известном смысле противоречая своим исходным принципам и целям. Социальное реформаторство, убежден Фромм, должно исключать насилие (революцию). Популярность насилия — следствие психического и духовного отчаяния и пустоты, в конечном счете это ненависть к жизни. Ошибка Маркса состояла также в том, полагает Фромм, что он наследовал наивный оптимизм просветителей XVIII в. о доброй природе человека: человек по природе добр, но социальные условия формируют его разрушительные наклонности; построение социализма создаст условия для реализации всех позитивных свойств человека. Маркс не учитывал иррациональной природы человека и необходимости внутренних изменений в нем⁴⁸.

Своей разновидности теории демократического социализма Фромм дает название «гуманистический коммунитарный социализм». Как он уверен, в XX в. традиционные идеологические схемы «правые — левые», «коммунизм — капитализм» потеряли свое значение, люди ищут новую философию. Главный выбор, стоящий перед человечеством, — это выбор не между капитализмом и коммунизмом, а между опасностью стать роботами («роботизмом» в его капиталистической или коммунистической форме) и гуманистическим коммунитарным социализмом. Только коммунитарный социализм, по Фромму, способен раскрыть сущностные силы человека и предотвратить ядерную войну⁴⁹.

К своему проекту Фромм подходит не только как социальный мыслитель, но и как врач. Как он полагает, есть три основных условия лечения индивидуальной и социальной патологии: 1) стремление организма к здоровью (физического и психического); оно отсутствует лишь в самых тяжелых случаях патологии; 2) осознание страдания, а также того, что именно не функционирует и утратило связь с сознанием личности; 3) изменение практики жизни, основанной на невротической структуре и постоянно ее воспроизводящей. Стремление к душевному здоровью, особо оговаривает Фромм, присуще каждому человеку, если он не родился моральным уродом; необходимо стечение обстоятельств, чтобы заглушить это стремление. Все названные условия, утверждает он, есть в учении Будды и Маркса, психоанализ же не содержит идеи изменения образа жизни. По Фрейду, задача психоаналитика состояла в том, чтобы помочь пациенту расстаться с иллюзиями, мешающими понять суть его страданий, и осознать реальные причины

его заболевания. Однако данный подход, подчеркивает Фромм, не может дать длительного положительного эффекта, пока пациент не изменит свой образ жизни и соответственно свой характер. Только изменение своей жизненной ситуации способно изменить самого человека⁵⁰.

Предлагаемые преобразования Фромм делит на три группы: экономические, политические, культурные.

В экономической сфере Фромм выступает за введение плановой экономики, упразднение власти крупного капитала, действующего в своих корыстных интересах, включение наемных работников в управление производством, ликвидацию эксплуатации человека человеком. Предлагается такая организация промышленности, где каждый работающий индивид является ее активным и ответственным участником, где работа привлекательна и осмысленна, где не капитал нанимает труд, а труд — капитал. Следует преодолеть отчуждение труда. Большинство людей считают, что отчужденный труд — это единственный вид деятельности и поэтому отвращение к нему естественно, а единственными стимулами к труду выступают деньги, власть и престиж. Лень не есть норма, — это психическая патология. Поскольку одно из худших страданий человека — скука, у человека есть потребность в какой-то деятельности. Только отчужденный труд рождает у человека скуку и отвращение к труду, что обычно называют ленью.

Фромм выступает против уравниловки в доходах. Идея равенства доходов, утверждает он, никогда не была социалистическим требованием и не является ни практической, ни желательной. Человек должен иметь доход, составляющий основу достойного человеческого существования. Различия в доходах должны иметь определенный предел, за которым начинается принципиально разное восприятие жизни. Подлинная свобода индивида достигается только на пути установления ему экономических гарантий.

Необходимо разработать меры, продолжает он, направляющие производство на создание товаров и услуг, действительно нужных людям, а не создавать искусственные потребности. С этой целью следовало бы законодательным путем радикально изменить рекламу и киноиндустрию.

Предлагаемые экономические преобразования, убежден Фромм, поднимут производительность труда и существенно сократят количество преступлений и невротических заболеваний, что

⁴⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 482–484, 487; *Его же*. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 327, 328.

⁴⁹ См.: Фромм Э. Революция надежды. С. 222, 223; *Его же*. Здоровое общество. С. 565.

⁵⁰ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 494–496; *Его же*. Иметь или быть? // Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 174–176.

позволит направить высвободившиеся средства на социальные гарантии⁵¹.

Свою программу политических преобразований Фромм начинает с критики современной западной демократии. Подлинная демократия, рассуждает он, не может существовать в отчужденном обществе. Всеобщее избирательное право, убежден он, не решает проблему политического отчуждения. Современная демократия, по Фромму, построена на принципе подчинения меньшинства большинству, но он предполагает процесс абстрагирования и отчуждения. Первоначально правление большинства стало альтернативой господству меньшинства (власти монарха и феодалов). Такой подход вовсе не означал, что большинство всегда право, рассуждали от обратного: пусть лучше ошибается большинство, чем меньшинство будет навязывать свою волю большинству. В условиях конформизма принцип большинства приобретает характер моральной нормы, согласно которой мнение большинства ценнее мнения меньшинства, а потому большинство вправе навязывать свою волю меньшинству. В итоге под истиной стали понимать не соответствие известных представлений действительности, а результат воли большинства. История, делает вывод Фромм, многократно подтвердила тот факт, что истиной обладает именно меньшинство в лице его талантливых представителей. «Если бы мы судили о ценности идеи по количеству выступающих за нее людей, то мы жили бы до сих пор в пещерах»⁵².

Политические силы, борющиеся за власть, полагает Фромм, вынуждены считаться с запросами масс и бороться за голоса избирателей. Но в конечном счете избиратель, отдавая свой голос одному из кандидатов, отказывается от своей политической воли и передоверяет принимать решения узкому кругу лиц. В современных демократических странах выборы приобретают характер плебисцита, в ходе которого избиратель выражает свое согласие или несогласие с политическим курсом власти, других инструментов повлиять на власть у него нет.

Чтобы демократия развивалась в сторону подлинного участия граждан, Фромм предлагает сделать несколько новых шагов. Во-первых, следует признать, что верные решения принимаются не массовым голосованием с использованием механизма большинства, а малыми группами. Только в таких группах можно детально обсудить проблему и принять компетентное решение. Во-вторых, каждый индивид должен быть информирован о важнейших фактах, необходимых для принятия

разумного решения. В-третьих, решения малых групп должны заканчиваться решением парламента, в противном случае проблема политического отчуждения индивида не снимается. Необходимо обеспечить взаимодействие между централизованными формами демократии и малыми группами, под которыми Фромм понимает органы местного самоуправления. Фромм детализирует предлагаемые меры, которые выглядят разнообразно прожектерства без всякой надежды на их реализацию⁵³.

Предложения Фромма в области культурных преобразований напоминают утопические проекты Платона и Т. Мора с их стремлением к тотальному насильственному коллективизму. Он прямо говорит, что человечеству не нужны новые идеалы и новые духовные цели, т.к. великие учителя человечества уже их сформулировали. Поскольку человеку, рассуждает Фромм, для его самореализации необходимо участие в коллективном творчестве (искусстве), ему надо предложить новые обряды и ритуалы. Коллективное искусство (совместные танцы, игры, музыкальные и спортивные мероприятия) должно начинаться в детском саду и продолжаться всю жизнь человека. Коллективизм искусства и творчества будет способствовать устранению отчуждения. В духе К.А. Сен-Симона и его ученика О. Конта Э. Фромм пророчествует: в ближайшие несколько сотен лет сформируется новая религия, отличающаяся универсализмом, выражающая основные требования гуманизма, разрушающая границы между религиями и способствующая объединению человечества⁵⁴.

Так как промышленная и политическая организация неотделима от образования и культуры, заключает Фромм, изменение этих сфер должно проходить в тесном взаимодействии.

Важный элемент преобразований — формирование мирового правительства, перед которым будут стоять две главные задачи: предотвращение войны на основе полного разоружения всех стран и справедливое распределение экономических ресурсов.

Указанные реформы, убежден Фромм, вернут человеку верховенство в обществе, он уже будет не средством (вещью, товаром), а целью, главной ценностью. Вместо эксплуататорской и накопительской ориентации, господствовавшей в XIX в., возникнет продуктивная ориентация. Гуманистический психоанализ докажет свою истинность и результативность.

Очевиден утопизм Фромма и противоречивость его концепции. С одной стороны, он ратует

⁵¹ См.: Фромм Э. Здоровое общество. С. 503, 509–511, 515, 540–545.

⁵² Там же. С. 546.

⁵³ См.: там же. С. 545–549.

⁵⁴ См.: там же. С. 549, 553–556.

за децентрализацию политики и экономики, за перенесение власти в широкие народные массы, с другой — отстаивает тезис о неизбежности и необходимости власти меньшинства. С одной стороны, признается неразложимое иррациональное ядро природы человека, с другой — выражается уверенность в создании нового, преображенного человека. Иными словами, Фромм повторяет подход прежних утопистов (от Платона до Маркса): поскольку предлагаемая ими социальная конструкция не рассчитана на реального человека, ставится цель создания человека нового типа. Однако всякая попытка изменить природу человека под предложенные идеологические клише не может закончиться не чем иным, как насилием над человеком и обществом. Таким образом, «гуманистический психоанализ» Фромма, внедренный в жизнь, вполне мог бы обернуться отрицанием гуманизма. Как правильно отмечал русский религиозный философ В.С. Соловьев, задача состоит не в том, чтобы на земле построить рай, а в том, чтобы не допустить на ней ада. Это и есть единственно верный, реалистический подход к любому реформаторству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М., 2010 (Философские технологии).
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 94, 97–99, 101, 104, 105, 107–111, 204–210, 212–215, 217–220, 222–227.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

3. *Фромм Э.* Здоровое общество // *Фромм Э.* Психоанализ и культура. М., 1995. С. 290, 328–333, 342–344, 346, 352–358, 364, 365, 372–377, 379–384, 386, 399, 413, 414, 420–423, 426, 439–442, 460, 461, 466, 472–474, 476, 482–484, 487, 494–496, 503, 509–511, 515, 540–549, 553–556, 565.
4. *Фромм Э.* Иметь или быть? // *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990. С. 174–176.
5. *Фромм Э.* Концепция человека у К. Маркса // *Фромм Э.* Душа человека. М., 1992. С. 402.
6. *Фромм Э.* Революция надежды // *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 222, 223, 327, 328.

REFERENCES

1. *Marx K.* Economic and philosophical manuscripts of 1844 and other early philosophical works. M., 2010 (Philosophical Technologies) (in Russ.).
2. *Fromm E.* Flight from freedom. M., 1989. Pp. 94, 97–99, 101, 104, 105, 107–111, 204–210, 212–215, 217–220, 222–227 (in Russ.).
3. *Fromm E.* Healthy society // *Fromm E.* Psychoanalysis and culture. M., 1995. Pp. 290, 328–333, 342–344, 346, 352–358, 364, 365, 372–377, 379–384, 386, 399, 413, 414, 420–423, 426, 439–442, 460, 461, 466, 472–474, 476, 482–484, 487, 494–496, 503, 509–511, 515, 540–549, 553–556, 565 (in Russ.).
4. *Fromm E.* To have or to be? // *Fromm E.* To have or to be? M., 1990. Pp. 174–176 (in Russ.).
5. *Fromm E.* The concept of man by K. Marx // *Fromm E.* The soul of man. M., 1992. P. 402 (in Russ.).
6. *Fromm E.* The Revolution of Hope // *Fromm E.* Psychoanalysis and ethics. M., 1993. Pp. 222, 223, 327, 328 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert